

Prolegomena discursiva лингвистического описания
библейских текстов¹

А. В. Вдовиченко

ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ РАН, МОСКВА

Аннотация: Представлена сумма воззрений, значимых для дискурсивного анализа и описания вербального материала, в том числе библейского текста. По мнению автора, приводимые положения составляют аутентичные сущностные признаки лингвистического факта и являются ключевыми условиями его корректной интерпретации. Свойствами любого естественного высказывания выступают: акциональность (высказывание есть целеположенное *действие*), коммуникативная направленность (высказывание необходимо для *общения*), ситуативность (производится в определенных мыслимых *условиях* осуществления действия), когнитивность (высказывание *мыслимо* коммуникантом). В связи с этим язык (как единство смыслоформальных элементов) представляется автору неэффективным концептуальным инструментом, поскольку ни одно из естественных свойств лингвистического материала не «схватывается» этим понятием. Автор заменяет его коммуникативной типологией, известной представителям коммуникативных сообществ неопределенного охвата, достаточной для реализации необходимых коммуникативных задач в данных условиях. Дискурс определяется как коммуникативная ситуация, мыслимая участником в виде набора доступных ему параметров. В ходе интерпретации естественного вербального материала понимаются комплексные коммуникативные действия, осознаваемые коммуникантом в момент порождения высказывания. Ключевое значение для интерпретации приобретает

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта ведущих научных школ НШ-2084.2014.6 «Образы языка и многоязычия в различных типах дискурсов». В статье суммируются наиболее важные методологические принципы, на основе которых в предыдущих публикациях высказан ряд наблюдений над более и менее корректными способами лингвистического описания статуса библейских текстов (см.: [Вдовиченко, 2010а, с. 25–41; 2010б, с. 87–98; 2013, с. 34–43] и др.).

коммуникативный (дектический, т. е. индивидуально воспринятый) синтаксис актуального высказывания или рассматриваемых элементов актуального высказывания. В частности, значение отдельного элемента определяется как представление о мыслимой коммуникативной ситуации, где употребление данного звукокомплекса возможно с точки зрения аутентичного участника вербального взаимодействия.

Ключевые слова: Дискурс, принципы интерпретации, грекоязычные библейские тексты, свойства вербального материала, коммуникативная ситуация, дектический синтаксис, значение элементов высказывания.

УДК: 81.42.

Контактная информация: Москва, Большой Кисловский переулок, д. 1, стр. 1, ИЯЗ РАН. E-mail: an1vdo@mail.ru.

Несколько положений, которые суммируют и частично преломляют лингвистические воззрения, сложившиеся в русле коммуникативной, функциональной и когнитивной парадигмы описания явлений «языка», обобщенно очерчивают дискурсивный подход, или дискурсивную модель описания вербального материала. Приводимые положения прямо или косвенно восходят к идеям, постулированным в теории функциональных грамматик, теории речевых актов, дискурсивной и текст-лингвистике, когнитивистике, психолингвистике, социолингвистике и связаны с именами Э. Бенвениста, Дж. Остина, Г. Вайнриха, Ч. Морриса, З. Харриса, М. Фуко, Р. Лонгакра, Дж. Сёрля, Л. Витгенштейна, Т. ван Дейка, С. Куно, М. Халлидэя, Г. Уиддоусона, Т. Бевера, Р. Томлина, С. Дика, Дж. Хита, Р. Барта, Д. Менгено, П. Серию, Ю. С. Степанова, Г. В. Колшанского, В. М. Живова, Е. С. Кубряковой, Н. Д. Арутюновой, А. Е. Кибрика, А. В. Бондарко, Н. В. Уфимцевой и др. Вне системы координат, образованной всеобщими дискурсивными *prolegomena*, описание грекоязычных библейских текстов (как, впрочем, и любого лингвистического материала) представляется менее достоверным и обоснованным, провоцирующим неустрашимые противоречия, на которые было указано в предыдущих статьях.

СВОЙСТВА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

1. Любое использование «естественного языка» всегда осуществляется в определенных *условиях, мыслимых говорящим / пишущим*. Автор как устного, так и письменного текста в любой момент совершения коммуникативных действий учитывает значимый для их реализации набор параметров. Конкретные мыслимые условия осуществляемой коммуникации заставляют автора налагать соответствующие форматы на производимый текст в каждый из его моментов.

2. Существенным для библейских языковых исследований на фоне данного свойства лингвистического материала является то, что библейские писатели или переводчики осознавали условия осуществляемой коммуникации и действовали в соответствии с ними. Задача исследования и адекватного описания в этом случае состоит в том, чтобы воссоздать по возможности полную в существенных чертах модель ситуации, т. е. набора мыслимых каждым авто-

ром условий предикации. Подобно тому, как логический предикат можно осознать только в непосредственной связи с субъектом, вербальное действие (будучи предикатом ситуации) осознается только в связи с предизируемой автором мыслимой ситуацией вербального действия. Так, одним из ключевых параметров, необходимых для интерпретации библейского языкового материала, является характер аудитории (адресата) и соответственно ее (его) языковые навыки и мера их специфичности. Такая постановка вопроса, в свою очередь, ведет к необходимости локализовать во времени и пространстве сообщество людей, обладавших данными навыками, а также решить вопрос о том, могли ли они обладать одновременно специфическими и «общими» навыками, использовать и то, и другое в зависимости от ситуации коммуникации. Так, например, современные участники православного богослужения используют в своей практике (литургия, повседневное общение и пр.) разнообразные языковые клише, при этом «специфические» церковнославянские клише далеко отстоят от обыденных. Вероятно, какой-то один из использованных способов коммуникации, взятый изолированно от целостной лингвокультурной реальности и представленный как характеристика языковых навыков, мог бы ввести в заблуждение внешнего интерпретанта, не погруженного в комплексную лингвокультурную ситуацию (дискурс). В проекции на библейские исследования актуализуется оппозиция «эллинистический читатель» vs «грекоговорящий иудей» со всеми вытекающими возможностями пересечений задаваемых этими понятиями множеств.

3. Любое использование «естественного языка» представляет собой *действие* (или попытку *воздействия*, или имитацию попытки воздействия) говорящего / пишущего на сознающий (вернее, мыслимый сознающим) объект. Автор вербального текста всегда и непременно преследует цель получить некий результат сказанного / написанного, т. е. стремится оказать влияние на мыслимую ситуацию посредством сказанного / написанного, реализуя вербальным действием свою возможную роль в мыслимой ситуации.

Так, автор устного текста может отвечать на вопрос, убеждать, отчитываться, просить, рассказывать, соглашаться, отказываться и т. д. Произносимые при этом слова будут вопросом, убеждением, просьбой, повествованием и т. д., т. е. тем самым *действием*, ради которого и были произнесены. Следует признать, что и письменный текст реализует те же авторские интенции, с некоторыми ситуативными особенностями, свойственными письменному формату, к которым, например, можно отнести возможную большую протяженность текста (повесть, статья), невозможность включить в коммуникативный акт фактор физического выражения лица автора, модуляции его голоса и пр. В любой момент как письменного, так и устного текста у автора существуют вполне конкретные – осознаваемые им – возможности воздействия в зависимости от сложившихся на данный момент условий коммуникации.

Соответственно любое использование «естественного языка», или данное вербальное действие, предполагает *актуальность*, т. е. непреходящую вовлеченность рассматриваемых элементов «языка» в конкретные мыслимые условия, соответствующее встраивание, интегрирование вербального действия в условия предикации, соизмерение вербального действия с условиями предикации.

кации. Неактуальный, т. е. *не представляемый* актуальным, вербальный акт не обладает мыслимым кем-то смыслом.

Если коммуникант мыслит свое высказывание (устное или письменное) не актуальным в данной ситуации (т. е. «не вписываемым» в данные мыслимые условия), он вовсе не утруждает себя реализацией вербальной последовательности. При интерпретации вербального феномена признанная автором актуальность становится ключевым условием и состоит в решении вопроса, *что* в данной ситуации коммуниканту *необходимо достичь своим вербальным действием*. Со стороны того, кто порождает речь, операции по соотносению вербального действия с мыслимыми условиями осуществляются с различной мерой успешности всегда, однако со стороны интерпретатора – как постороннего, так и вовлеченного в ситуацию, восприятие условий предикации может быть иным, не адекватным тому, которое мыслил говорящий. Так, изъятая из контекста фраза «Нет, он не собирается», сказанная в разговоре двух знакомых и услышанная посторонним интерпретатором мимоходом, не означает для последнего ничего определенного (*кто «он»? почему «нет»? «не собирается» делать что? и т. д.*), в то время как вербальное действие того, кто произнес эти слова, было всецело актуальным и полнозначным в данный момент в данных условиях диалога.

Похожим образом, в предельно малых из отрывков Септуагинты, найденных в Кумране, присутствуют слова и сочетания слов, не поддающиеся интерпретации, ввиду невозможности определить актуальный момент коммуникативной ситуации, которую мыслил автор вербального действия (например, среди папирусных фрагментов на греческом языке из 7-й пещеры (Baillet, 1962, с. 142–146, табл. XXX) фрагмент 1 идентифицирован Байе как Ex 28:4-7 (пар 7Q LXX Ex 28:4-7), а фрагмент 2 – как отрывок из апокрифического Послания Иеремии (пар 7Q Ep Jer gr II, 43-44); остальные семнадцать фрагментов помещены в издании Байе под рубрикой «Неидентифицированные фрагменты»; в большинстве случаев на этих фрагментах сохранились только отдельные знаки и ни единого слова полностью, если не считать союза КАΙ и артикля ΤΟ. В дальнейшем эта неопределенность послужила тому, чтобы признать возможным (впрочем, весьма спорным) отождествление этого материала с НЗ текстом (Callaghan, 1972): 7Q 5=Марк 6:52-53; 7Q 6,1=Марк 4:28; 7Q 8=Посл. Иак. 1:23-24; 7Q 4=1 Тимоф. 3:16; 4:3; 7Q 6, 2=Деяния 27:38; 7Q 7=Марк 12:7; 7Q 9=Римл. 5: 11-12; 7Q 10=2 Петр 1:15; 7Q 15=Марк 6:48). Другими словами, любой вербальный феномен, чтобы стать смыслообразующим в авторской речи или в исследовательской интерпретации, должен быть непременно помещен в коммуникативную последовательность и быть осознанным только в таком актуализованном, интегрированном в конкретную причинно-следственную связь виде. Его адекватное истолкование возможно только путем воссоздания адекватных условий авторской предикации, как мыслимого автором актуального действия в коммуникативном пространстве.

4. Любая ситуация использования «естественного языка» мыслится говорящим / пишущим как *коммуникативная*, т. е. преследует целью некое *общение* (*коммуникативное воздействие*). В ситуации, когда адресат возможного воздействия не предполагается, коммуниканту незачем реализовывать вербальную последовательность.

При этом процесс речи, имеющий физическую и физиологическую стороны, может быть значим для говорящего / пишущего как собственно физическое или физиологическое действие: произнесением слов можно тестировать микрофон (чтобы убедиться в его исправности), петь песню со словами (чтобы модулировать любимый мелодический рисунок) и пр. Такие случаи следует считать своего рода нецелевым использованием элементов речи в сравнении с естественным – актуально коммуникативным. В таких случаях имеет место воспроизведение элементов актуальных коммуникативных актов, взятых односторонне, как физические, не смыслообразующие феномены.

При естественном использовании «языка» имеют место как минимум два участника, при этом адресат, второй участник, может быть воображаемым (здесь же следует упомянуть случай, когда говорящий обращается к самому себе, представляя себя со стороны в качестве собеседника). Только в коммуникативной ситуации возможна и необходима вербализация как процесс воздействия на ситуацию, и в ней непременно мыслится воспринимающий, т. е. поддающийся речевому воздействию, адресат. Так, понятие о магичности слова, по-видимому, проистекает из очевидной действенности речи в человеческой коммуникации: словесная просьба или словесный приказ исполняется, словесное убеждение достигает цели, на словесный вопрос дается ответ; если коммуникант уподобляет себе интересующий его объект по признаку свободы и разумности – как человек и склонен поступать едва ли не во всех случаях моделирования окружающего мира, – то в такой воображаемой коммуникативной ситуации в самом деле можно пытаться достичь результата речью, «использовать слово магически». При отсутствии хотя бы воображаемой коммуникативной ситуации генерирования речи не происходит, поскольку интеллектуальный процесс не нуждается в вербальности до тех пор, пока его результатом не стало решение произвести актуальное действие в коммуникативном пространстве.

Так, например, для НЗ авторов критическое значение имеет распространенное среди исследователей мнение, что все они обладали семитоязычным сознанием, сохраняли «родовые пятна» семитского языкового мышления, думали на арамейском (древнееврейском) языке, что, в свою очередь, спровоцировало появление семитизмов (вследствие языковой интерференции) в греческом тексте. Поскольку в действительности сознание имеет невербальную природу, создаваемый НЗ автором текст нельзя считать прямым отображением его мыслей, «подуманных» на каком-то одном языке, а затем воспроизведенных словами другого языка. Поскольку вербальный текст связан с мыслью весьма опосредованной связью, скорее, нужно признать, что мысль автора состояла в том, что он принял решение произвести данное коммуникативное действие в данных условиях. Последовавшее за этим вербальное действие уже не является мыслью, а ее следствием. Следовательно, невозможно говорить об автоматизме работы языка (языков) в авторском сознании. Процесс создания письменного текста нельзя считать спонтанной и неотрефлексированной «записью мыслей» на каком-то языке или заменой (подстановкой) слов одного языка словами другого языка. Автор не *думал так*, а, сначала подумав, осознанно *действовал так*, т. е. организовывал коммуникативное действие в соответствии с мыслимыми условиями успешности. Вербальная коммуникация

и способы ее осуществления спровоцированы размышлением (мыслью), но не идентичны ей.

5. Указанные характеристики вербального феномена (мыслимые ситуативность, актуальность и коммуникативность) составляют аутентичные сущностные признаки любого лингвистического материала, его онтологические *conditiones sine quibus non*, без которых собственно лингвистического материала не существует. Последний обращается в нечто иное, если в процессе теоретизирования лишается указанных свойств.

Так, в библейских лингвистических исследованиях процедуры идентификации коммуникативных действий, засвидетельствованных в текстах, осуществляются почти исключительно с помощью концепта «язык» (система предметных единиц). В то же время именно язык в таком его понимании полностью игнорирует аутентичные свойства естественного коммуникативного процесса (ситуативность, акциональность, коммуникативность, когнитивность) и его выделяемых элементов. В результате аутентичная лингвокультурная ситуация, некогда представлявшаяся авторам в полноте своих свойств, оказывается иной для вторичного интерпретанта, вследствие пользования неэффективным концептуальным инструментом («язык»).

6. Три указанные характеристики лингвистического материала – ситуативность, актуальность и коммуникативность – отсылают к области прагматики (реальной коммуникации), в которой используется (функционирует) вербальный материал («язык»), в то время как атрибут «мыслимые» – к области когниции. Когнитивный и коммуникативный аспекты реального речевого процесса синтезируются понятием *дектики*, т. е. «осознанной прагматики», предложенным Ю. С. Степановым [1998, с. 377–380].

Осознанная прагматика библейского текста вводит не только аспект внутренних для текста языковых ситуаций (так, например, теоретик функционального перевода Юджин Найда находит адекватные способы выражения значений в различных языках по тождеству значений, а не по корреляциям вербальных единиц, называя их динамическими эквивалентами [Nida, Taber, 1969, с. 3–8]), но также – и прежде всего – аспект внешней для текста ситуации авторского действия. Первая и главная коммуникативная ситуация – это осознание автором своего текста в каждый конкретный момент вербальной последовательности. Этот аспект рассмотрения вербального материала интегрирует все остальные уровни обнаруживаемых функциональных корреляций. Так, например, с точки зрения языковых закономерностей, перевести греч. λέγει αὐτῷ возможно как «говорит ему», «молвит ему» или «глаголет ему», при этом функционально все три варианта будут допустимы с точки зрения «динамической эквивалентности» Найды. Однако с точки зрения «осознанной прагматики» способ перевода определяют не корреляции функциональных эквивалентов, заданные «гениями языков» (Найда), а ситуация авторского вербального действия, в которой писатель имел в виду один определенный модус употребляемого выражения в целостной мыслимой ситуации своего действия (дискурсе). Иными словами, если динамическая эквивалентность устанавливает корреляцию между единицами текста, то дектическая (осознанно-прагматическая) эквивалентность стремится к установлению и передаче тождества авторских коммуникативных действий. Так, например, динамический

эквивалент, найденный В. Н. Кузнецовой при переводе с греческого языка на русский [Кузнецова, 2001, с. 29] («Как счастливы те, у кого чистое сердце! Они Бога увидят», Мф 5:8), удовлетворяет условиям языковой динамической эквивалентности, но не удовлетворяет условиям дектического тождества (коммуникативной эквивалентности), поскольку иудео-христианский автор явно не приписывал Христу столь восторженных чувств, передаваемых восклицательным регистром, выражаемых к тому же столь наивными (для участника современной русскоязычной ситуации) формулами. Поэтому существующий синодальный вариант гораздо более выдержан и правилен с точки зрения дектической (осознанно-прагматической) корреляции, учитывающей не только межязыковые эквиваленты вербальных единиц текста, но и тождество авторского действия: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят». Характерно, что рассуждения о процедуре нахождения эквивалентов привели Найду и Тэйбера к отказу от строгого понимания «языка»: они вводят понятие различных уровней и регистров языка (официальный – неформальный, современный – архаичный, и т. д.), которые могут смешиваться в рамках единого текста и, таким образом, смешивать картину «языка» [Nida, Taber, 1969, p. 120–124].

7. Когнитивный элемент речевого процесса, последовательно введенный в методологию лингвистического описания, позволяет избавить вербальное действие, взятое в его ситуативно-актуально-коммуникативной целостности, от детерминизма языковой формы (в том числе детерминированности «системой языка», сосюрровским *langue*, хомскианской «языковой компетенцией») и дает возможность констатировать в процессе порождения речи творческую *свободу*. Естественная речь есть результат не объективной прагматической ситуации (использованных вербальных клише, условий и адресатов, задающих параметры вербального действия), а результат активного свободного *осознания* этой ситуации, т. е. *дектический* феномен, определяемый духовно-рациональным выбором говорящего, который воздействует на мыслимую ситуацию адекватными (с его точки зрения) вербальными средствами. Несмотря на причастность предметной области, реальная предикация (актуальное «говoreние») в стадии создания *свободно*, поскольку сознание свободно в выборе возможностей предикции. Эти возможности реализуются в назначении подлежащих высказыванию объектов и их связей, в комбинировании мыслимых обстоятельств, установлении актуальных целей речевого действия, определении собственной роли в данном коммуникативном пространстве, использовании тех или иных вербальных клише, в вовлечении невербальных средств в коммуникативный процесс и др.

С этой точки зрения необоснованными выглядят попытки навязать переводчикам LXX или НЗ авторам власть языка («греческий язык требует говорить так, а не иначе, но переводчики / авторы поступают иначе»). Следствием этого навязывания становятся выводы о грамматических ошибках и недостаточном знании типологии греческих вербальных клише, что охватывает собой понятие «семитизм». Констатируемое отсутствие единого языка провоцирует выводы о внеграмматичности, внелитературности и просторечности текстов. Однако процесс перевода или создания новых текстов ограничен лишь когнитивными рамками, которые ставит себе автор текста, определяя свои возможности совершить успешное коммуникативное действие. Если мнемотехниче-

ские рамки грамматики, налагаемые на материал исследователем, не совпали с авторскими, это указывает лишь на недостаточную эффективность грамматической матрицы, используемой в процедуре исследования, и на неполное владение параметрами дектической (осознанно-прагматической) ситуации. Иными словами, автор подвластен только необходимости осуществить помысленное коммуникативное действие известными ему средствами, а не грамматизированной языковой форме, в которой принципиально отсутствуют личные коммуникативные действия. Грамматика вынуждена подчиняться авторскому видению коммуникативной реальности, а не навязывать свои недостаточные возможности, полученные ранее от все той же коммуникативной реальности.

8. Соотношение когнитивного и прагматического элемента в естественном речевом процессе можно описать, воспользовавшись шахматной аналогией. Устные / письменные речевые акты, являясь действиями, подобны ходам в шахматной партии: со стороны играющего (=коммуниканта) ходы непременно осуществляются фигурами, на шахматной доске, в данной позиции (=ситуативность), имеют некую цель – добиться преимущества, выиграть или просто поиграть (=актуальность) и всегда тесно связаны с некими действиями с противоположной стороны, обращены к противоположной стороне (=коммуникативность). При всей обусловленности совершаемых ходов их выбор всегда определяется свободным рациональным решением игрока (=когнитивный элемент). Так, при относительной немногочисленности «прагматических» условий (количество и достоинство фигур, значение полей и т. д.) две партии с совпадающим «когнитивным» рисунком ходов практически исключены, – «условия» не уничтожают «свободы».

Распространяя эту аналогию на создание текстов Септуагинты или НЗ, нужно отметить холистический характер каждого отдельного игрового эпизода (=момента коммуникации) и целой шахматной партии (=целостного текста). Совершая коммуникативные ходы, авторы в любой момент пребывали в осознаваемой ситуации коммуникативного действия (дискурсе), изменяя расположение фигур в позициях, возникающих на доске по их субъективному свободному выбору. Важно отметить, что анализ каждой игровой ситуации есть анализ когнитивных операций игрока в данных условиях, а не воли самих фигур и условий.

9. Речевой процесс вторичен по отношению к когнитивному процессу: первый представляет собой лишь средство реализации принятого невербального решения; результатом когнитивного процесса может стать признание возможности и целесообразности действовать в данном коммуникативном пространстве, когда и возникает необходимость вербализации, т. е. использования адекватных в данном коммуникативном пространстве моделей с целью достижения нужного результата. Мысль не тождественна какой бы то ни было вербальной форме и связана с ней косвенно. Слова возникают («звучат») в сознании, когда коммуникант мысленно воссоздает ситуацию коммуникации, в которой он представляет себя или иного коммуниканта действующим. Так называемая высказанная мысль всегда прагматична по своему предназначению – ориентирована на действие в целевой коммуникации. В этом смысле

«критика чистого разума» возможна лишь в условиях, лишенных следов приспособления к коммуникативному пространству, т. е. в молчании и тайне.

В добавлении к сказанному о невозможности «языкового» (например, «семитоязычного») сознания НЗ авторов, нужно заметить, что специфические черты «картины мира», свойственные представителям различных социумов (от национальных до малых, например, семейных коллективов), отсылают не к формам языка, а к формам знания (фреймам), формируемым в совместных культурных практиках. С одной стороны, тождество фреймов зачастую может обеспечить возможность адекватных переводов при соответствии «слово-слово». Так, авторские вербальные действия «увидел», «пошел», «сказал» можно переводить с языка на язык слово в слово, рассчитывая на совершенное тождество фреймов «видения», «ходьбы» и «говорения» независимо от культурной специфики, поскольку они тождественно мыслимы во всех языковых коллективах (забавным контрпримером может служить талмудическая интерпретация (Шмот раба, 1:23) «ходили» как «умирали» (Исх 2:5) [Ковельман, 2012, с. 31], что, впрочем, лишь подтверждает когнитивный, а не формально-языковой аспект процедуры понимания авторского действия). С другой стороны, многие практики не тождественны (или вовсе отсутствуют) в различных сообществах, и в таком случае перевод как восхождение к тождественно мыслимому нуждается в опосредовании и опоре на имеющиеся в целевом сообществе фреймы. Так, углубление в скале для оставления покойника, обычное для практики захоронения в Палестине и входящее в естественный для жителя древнего Иерусалима фрейм, весьма неточно соответствует русскому (древнему и современному) слову «гроб», поскольку русский фрейм захоронения предполагает иной способ захоронения и иное место для положения тела покойника. Поэтому адресат, к которому обращается переводчик со словом «гроб» (например, Ин 19:41–42; 20:1: «На том месте, где Он распят, был сад, а в саду гроб новый, в котором еще никто не был положен. Там положили Иисуса ради пятницы иудейской, потому что гроб был близко. В первый же день недели Мария Магдалина приходит ко гробу рано, когда было еще темно. И видит, что камень отвален от гроба»), должен либо заранее знать когнитивное состояние автора и переводчика (т. е. составлять с ними единое коммуникативное сообщество и владеть специфическим пониманием данной вербальной модели), либо получить от адресанта подробные инструкции по интерпретации, с опорой на доступные адресату практики. В таких ситуациях переводчик (интерпретант) вынужден пользоваться дополнительными способами достижения когнитивного тождества в сознании адресата (так, объяснение специфической для русской культуры формы захоронения можно построить на понятиях «скала», «углубление» и др.). Перевод с одного языка на другой, таким образом, представляет собой восхождение к единой культурной реальности, тождественно мыслимой вне языковых форм, но вовлекаемой в коммуникацию с помощью языковых форм.

10. Интеллектуальный (когнитивный) процесс, последовательно избегаемый от предметного «слова» (последнее в актуальной речи есть инструмент действия в коммуникативном пространстве, некое внешнее «используемое» средство, сущностно не связанное с «использующим» его мыслящим субъектом), имеет *нелингвистические* перспективы философского, богословского,

психологического осмысления, оставаясь при этом главной необходимой причиной вербального – лингвистического – материала.

ДИСКУРС, ИЛИ ОСОЗНАННАЯ КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ

11. Свойства мыслимых ситуативности, актуальности и коммуникативности способно теоретически объять собой понятие *коммуникативной ситуации*, или *дискурса* (любой момент возможного словесного (взаимо)действия, предполагающий наличие хотя бы одного возможного коммуниканта, который может действовать в мыслимом коммуникативном пространстве, *представляя себе* собеседников, обстоятельства, и т. п.). Любой речевой акт можно адекватно понять только как принадлежность определенной коммуникативной ситуации, в рамках которой он был реализован. Понимание сводится к истолкованию действия говорящего / пишущего. При понимании осуществляется «обратный перевод» в невербальную область когниции, где «смыслы» суть личные типологически мыслимые несловесные представления интерпретатора о подобной ситуации.

12. Главные элементы коммуникативной ситуации (или дискурса), способные при надлежащем описании быть ее (его) характеристиками:

а) *фреймы*, т. е. общие знания о мире и о данной его части (например, фрейм поездки в метро, фрейм газеты или художественной литературы, фрейм анатомии человека, фрейм филологического образования, фрейм православного богослужения и т. д.); этот элемент чрезвычайно многолик и вряд ли укладывается в строгий список пунктов, будучи сам по себе не вербален. Фреймовые знания всегда присутствуют в сознании говорящего, актуализуются в мыслительном процессе и образуют фон возможного вербального действия, позволяя соотносить действие с условиями его совершения на макро- и микроуровнях;

б) *факты и данные*, непосредственно связанные с моментом акта коммуникации. К ним относится расстановка 1–2–3 лиц в акте коммуникации (говорящий, адресат, референт), (не)вовлеченность 1–2–3 лиц в ситуацию, присутствие в поле зрения коммуникантов неких объектов, других людей, предшествующие коммуникативные акты; предшествующая часть текста, предисловие к роману, знание структуры сборника данных текстов и др.; этот пункт составляют конкретно ситуативные элементы, с которыми коммуникант неизбежно считается; они предполагают актуализацию различных фреймов в сознании коммуникантов и всякий раз являют новые «вызовы» сознанию говорящего и слушающего;

в) *модели (клише) речевой деятельности* на макро- и микроуровнях текста, актуальные для данной ситуации или ее момента, или *модели вербальной реализации коммуникативных интенций*. Этот пункт составляют разнообразные *вербальные* формы устной и письменной речи, которые приняты и подходят для тех или иных случаев и моментов построения актуальных текстов, в том числе жанровые модели, способы выражения вовлеченности 1–2–3-го лиц, так называемый «выбор слов», также то, что обыкновенно определяется как *парадигматика* языка, например употребление падежей, предлогов, глагольных форм в соответствующих ситуациях текста и всего дискурса и многое

другое, составляющее для носителя языка арсенал *нетеоретизированных данностей*. Важно отметить именно то обстоятельство, что модели родного языка усваиваются говорящим вне какой бы то ни было лингвистической теории, вне того или иного варианта «грамматики языка». Так, ребенок осваивает родной язык исключительно как умение реализовывать необходимые коммуникативные ситуации, всецело вне теоретического знания «языка». Таким же образом и взрослый носитель «языка» независимо от уровня образования и филологической подготовки свободно реализует привычные коммуникативные ситуации, не зная категорий (или не вспоминая о категориях) падежей, склонений, окончаний, времен и пр. Хотя владение иностранным «языком» в отличие от родного зачастую концептуально, сформировано определенной моделью его описания, однако подлинное знание любого иностранного «языка» представляет собой способность без долгих размышлений над формой вербального действия свободно реализовывать коммуникативные ситуации «неродными» моделями; чем больше в знании неродного «языка» привычки, навыка вербального действия в соответствующих ситуациях, тем менее необходимо теоретическое «знание», которое у настоящих знатоков «языка», т. е. его носителей, в момент «актуального говорения» вовсе отсутствует. Подлинную систему «языка» из хаоса вербального материала создает не абстрактная грамматическая система, обычно конституируемая гипотетическим понятием «языка», «компетенции» (*langue, language competence*), а *осознаваемая типология актуальных коммуникативных ситуаций*;

г) так называемые *паралингвистические* характеристики коммуникативного акта – темп речи, тембр голоса, интонация, дефекты произношения, жесты и др.; неразборчивый почерк, низкое качество печати, дефекты носителя текста, ошибки переписчика, фрагментарность текста и многое другое, что всегда сопутствует любому – устному или письменному – вербальному акту, поскольку последний непременно обладает физической компонентой, а следовательно, вовлеченностью в физические (механические) процессы [Van Dijk, 1981, p. 218];

д) личное восприятие и использование элементов осознаваемой коммуникативной ситуации (дискурса), или фактор *дектики* [Степанов, 1998, с. 377–380]. Дектика, или *восприятая прагматика*, по сути, содержит в себе все прочие элементы дискурса, помещая процесс порождения и восприятия речи, организации речевого действия и его понимания в сферу личной субъективности и свободы. Понятие дектики отчасти коррелирует с понятием фреймовых знаний, но подчеркивает субъектный и акциональный характер речевого процесса, или особую деятельную роль говорящего. Так, если самые общие фреймовые знания свойственны громадному большинству людей и соответственно в каком-то смысле «гуманитарно объективны» (так, любой человек независимо от культурной традиции видит, слышит, ходит, дышит, думает и т. д., формируя соответствующие концепты в сознании), то преломление этих знаний и конкретная предикативная фокусировка содержания фрейма в реальной речевой ситуации всегда полагаются в индивидуальной сфере дектики. Очевидно, что дектичен – т. е. лично воспринят и преломлен – любой используемый элемент невербального фрейма и самого вербального процесса, любой целостный речевой акт.

ДИСКУРСИВНЫЙ СИНТАКСИС, ДЕКТИЧЕСКАЯ СИНТАГМА

13. Любой вербальный текст, созданный на «естественном языке», является *предикатом соответствующей коммуникативной ситуации*, т. е. в некотором смысле *текст содержится* в мыслимой коммуникативной ситуации как своем «субъекте», и *определяется* ей; и по мере того текст есть *функция мыслимой коммуникативной ситуации*.

14. Любой из вербальных феноменов – на уровне звука, морфемы, лексемы, словосочетания, предложения и собственно текста в каждый из его моментов – интегрирован в мыслимую коммуникативную ситуацию (=дискурс) и задан ролью говорящего, погруженного в нее и осознающего реальные условия совершения вербального действия.

15. Синтаксис, понимаемый как связь слов в предложении (в крайнем случае, связь нескольких простых предложений между собой) в новых теоретических условиях претерпевает изменения и понимается как *интегрированность элементов текста в осознанную коммуникативную ситуацию*, или *интегрирование элементов текста осознанной коммуникативной ситуацией*. Такой синтаксис можно назвать *коммуникативным*, или *дектическим*.

16. Соответственно весь комплекс актуальных отношений, возникающих у рассматриваемого вербального феномена в мыслимой коммуникативной ситуации, можно назвать *дектической синтагмой*.

17. Дектическая синтагма, т. е. осознанная ситуация использования данного вербального элемента, интегрирует значение вербального элемента на любом уровне анализа. До помещения в конкретную дектическую синтагму *лингвистические феномены, в том числе слова, не имеют тождественно воспринимаемого значения*.

18. Вербальный материал, бессмысленный и хаотичный вне актуального использования, организуется и становится воспринимаемым, имеющим смысл, только в качестве актуального коммуникативного действия, которое естественным образом соотносится говорящим с условиями его совершения. Понять словесный материал – значит, соотнести данное вербальное действие с условиями его совершения, т. е. воссоздать данную типологически мыслимую синтагму произнесения, или *аутентичную дектическую синтагму данного вербального действия*, ответив на вопросы – кто? когда? где? зачем? с какой целью? и т. д.

ТИПОЛОГИЯ ДЕКТИЧЕСКИХ СИНТАГМ

19. Понятие естественного коммуникативного процесса и его вербальных элементов предполагает выход за пределы собственно вербального материала, переход на другой уровень лингвистической абстракции, отказ от вербального материала как системы и взаимообусловленного организованного «в себе» единства.

20. Вербальный материал (или предметный элемент «языка») не обладает собственной причинностью и самоидентичностью. В нем нет собственных

«значений» и «смыслов» вне конкретной дектической синтагмы, интегрирующей значение вербальных действий и его элементов.

21. Вполне очевидно, что определение «значения» вербального действия (и соответственно его элементов) всякий раз происходит в *сознании* взаимодействующих коммуникантов, и не может рассматриваться вне их сознания.

22. Коммуниканты понимают ситуации и действия в них. Единицами процесса коммуникации выступают несловесные сущности в сознании, для оперирования которыми используется как вербальный, так и не вербальный материал.

23. Попытки «системного» представления вербального материала сводятся к обретению типологии в коммуникативных ситуациях. Типология обусловлена личным опытом коммуниканта.

24. Грамматика изначально формируется как установление соответствия между вербальными элементами и типологическими ситуациями коммуникации. При этом между ними нет строгого соответствия «знак – значение». Вербальный материал не закреплен за ситуациями, что составляет фактор его нетождественности.

25. В процессе порождения / понимания естественной речи участники для совершения действия используют знание и навыки владения коммуникативной типологией (типологией коммуникативных ситуаций, или типологией дектических синтагм). Единица (графический и акустический феномен) входит в структуру ситуации и определяется позицией в типологически осознаваемой невербальной структуре.

26. Коммуникант «назначает» значения предметным единицам «языка», совершая новые (актуальные в данный момент) действия. Искомым в деятельности интерпретанта является корректная интерпретация действия коммуниканта. Мыслимая типология коммуникативных действий (признанная достаточной и адекватной в языковых сообществах различного охвата, от нескольких участников до целых наций, государств и пр.) определяет «значение» используемых вербальных единиц.

27. Смысловое тождество реализуется в когнитивной сфере, где невербально осознается ситуация и субъектное действие в ней.

28. Временные и линейные характеристики присущи предметно понимаемым текстам, в то время как сознание коммуниканта и интерпретанта осуществляет нелинейные и невременные (не одновременные с произнесением слов) процедуры.

ПРЕДИКАЦИЯ

29. Сама возможность предикации состоит в свободном разумном *выборе* одной из свойственных мыслимой ситуации *потенций* воспринять, «*вместить*» *вербальное действие говорящего*. Актуальный текст представляет собой *предикат соответствующей коммуникативной ситуации*, в которой коммуникант принял решение действовать.

30. «Подлежащее» суждения возникает как результат когнитивных процедур индивидуального сознания (одни и те же «вещи» могут называться различными *назначенными* именами, входить одновременно в разные множества

ситуативно назначенных родов, видов и классов, объединяться с любыми другими «вещами» на основании *актуально назначенных* признаков и пр.). Как нельзя говорить о том, *что* представляет собой правое и левое, горячее и холодное, высокое и низкое вне той системы координат, которая задана сознанием наблюдателя, так невозможно говорить о «подлежащем» суждения вне лично актуального и лично предпринятого *назначения* «подлежащего». То же – о «сказуемом» суждения.

Логический «субъект» суждения, переосмысленный в коммуникативной модели речевого процесса, становится «объектом» назначенного коммуникативного действия. Подлинным «субъектом» (т. е. агенсом речевого процесса) становится словесно действующий коммуникант, параметрирующий ситуацию предикации и организующий собственное вербальное действие. Выделение объектов, назначение пространственных, причинных и пр. связей, обнаруживаемых в вербальном материале, происходит в результате деятельности индивидуального сознания говорящего. Признание самоидентифицирующихся объектов (античная схема) не отвечает реальности мыслительного и речевого процессов.

ЛЕКСЕМА

31. Синтаксис, понимаемый декгически (т. е. как ситуация действия в мыслимом коммуникативном пространстве), вбирает *все* феномены лингвистической структуры (феномены всех уровней). Теоретическим препятствием для такой констатации выступает «значение лексемы», или значение слова. Так, ни в одной из концептуальных попыток представить дискурсивную модель непротиворечивой не подвергается сомнению существование лексического значения слова, его так называемая семантика (так, например, Г. Вайрих, говоря о детерминировании слова текстом, признает, тем не менее, существование неких «размытых» «неопределенных» значений у *самых лексических единиц* [Weingich, 1966, S. 46; Арутюнова, 1999, с. 16–17]). Если это так, т. е. если некие внетекстуальные и внедискурсивные (внедекгические, внепрагматические) значения в лексических единицах существуют, тогда *сами слова заключают в самих себе принципы образования лингвистических структур, превращаясь из интегрируемых элементов в интегрирующие*. Такой подход (=словоизолирующая парадигма) отрицает дискурсивную парадигму лингвистического описания, поскольку категория мыслимой коммуникативной ситуации (дискурса) теряет свой теоретический потенциал в интерпретации смыслообразования. Возникает оппозиция двух утверждений: «*Мыслимая коммуникативная ситуация определяет свои минимальные единицы (в том числе значения слов)*» vs «*Минимальные единицы (в том числе значения слов) определяют коммуникативную ситуацию*».

32. Разрешение этой апории достигается последовательной коммуникативной интерпретацией элементов словесного высказывания, а именно признанием того, что значение любого изолированного элемента (слова или любого другого, предметно определенного феномена, например фонемы, морфемы) есть *представление о действии (или позиции данного элемента) в реальной коммуникативной ситуации*.

Ассоциации, возникающие у носителя языка при изолированном произнесении слова (что обыкновенно провоцирует постулирование «значения слова»), есть не что иное, как воспроизведение в памяти некой (минимальной) коммуникативной ситуации, которая достаточна для употребления данного фонетического комплекса («слова») и которой данное «слово» вполне свойственно (коммуникативная ситуация при этом понимается как любое возможное (со)общение, когда говорящий (пишущий) имеет целью адекватное (т. е. нужное автору) воздействие на читающего (слушающего). Значение любого предметного элемента становится, таким образом, полностью коммуникативным, выводимым из мыслимого процесса коммуникации. Любое «лексическое значение», даже в изолированной позиции, оказывается неизбежно синтаксическим, выводимым из коммуникативного синтаксиса естественного вербального процесса.

ЗВУК, ФОНЕМА, МОРФЕМА

33. Любой из вербальных феноменов – на уровне звука, морфемы, лексемы, словосочетания, предложения и собственно текста в каждый из его моментов – интегрирован в мыслимую коммуникативную ситуацию (=дискурс) и задан ролью говорящего, погруженного в нее и осознающего реальные условия предцирования.

Процедура выделения любого предметного элемента речи (в том числе звука, фонемы, морфемы) имеет основанием типологию дектических синтагм – типологию естественного коммуникативного взаимодействия говорящих. Так, невозможно определить, какому из языков принадлежит данный предметный элемент, имеющий первичную фонетическую форму, если изначально не известна коммуникативная практика, из которой выделен данный элемент.

1.1. КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА VS ПРЕДМЕТНАЯ ПАРАДИГМА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ОПИСАНИИ БИБЛЕЙСКОГО ТЕКСТА

34. Каждый элемент лингвистической структуры определен и задан более высоким – в конечном счете, невербальным (дектическим) – уровнем, т. е. самой осознанной коммуникативной ситуацией, и взятый вне дектической синтагмы, не имеет значения. В свою очередь, для приписывания ему какого-либо значения в ходе первичной или вторичной интерпретации необходимо «вернуть» данный элемент в ситуацию актуального коммуникативного действия.

Так, глагольная форма ἔστιπτον, извлеченная из текстового эпизода (который, в свою очередь, представляет созданную автором ситуацию актуальной коммуникации), рассматриваемая на различных уровнях лингвистического анализа – от фонологии к уровню текста и мыслимой коммуникативной ситуации, может получить корректную интерпретацию только в рамках мыслимой автором дектической синтагмы, в соответствующей точке (моменте) ее употребления.

Уровень фонем. В данном примере фонетический комплекс представлен (как и в аутентичном тексте) графически. Чтобы воспроизвести его подлинный фонетический (т. е. первичный для любого языкового коллектива) облик, не-

обходимо вернуться в ситуацию авторского действия. Это становится возможным благодаря непрерывной традиции, в которой участвует исследователь, изучающий «греческий язык», и которая, в конечном счете, соединяет авторский замысел употребления данного звукокомплекса, представленного графически, со способностью и возможностью современного интерпретатора воспроизвести данное слово. Заметим, что без участия в традиции изучения греческой цивилизации произнесение данного фонетического слова невозможно. Традиция, сохранившая правила чтения греческих букв в рамках греческого цивилизационного пространства и европейской науки, предлагает условные варианты воспроизведения данного слова [etiption] или [etyption] с ударением на первом слоге. Однако этого недостаточно для понимания авторского замысла ввиду невозможности определить по отдельному слову комплексную ситуацию авторского действия, включавшего смысловой компонент. Заметим, что автор не произносил (и не изображал) это слово отдельно от целостной ситуации коммуникации.

Уровень морфем. Морфология данной глагольной формы, доступная современному исследователю по грамматическим справочникам, указывает на имперфект, первое или третье лицо, единственное или множественное число. Здесь же сторонники корневой семантики и этимологии могут попытаться найти значения сем. Однако нужно признать, что на вопросы *кто, что, когда, где, как* и – самое главное – *зачем это говорится*, данная процедура не дает ответа вне общего авторского действия, которое по-прежнему не проявлено на данном уровне. Функция предикации и смыслообразования не реализована. Различимого смысла в идентифицированном морфемном составе нет. Автор не говорил ἔτιπτον только на уровне морфологии. Естественного вербального материала на данном уровне еще нет, поскольку в таком виде – «изолированном» и бессмысленном – в естественной ситуации коммуникации его невозможно наблюдать.

Уровень лексем. Слово ἔτιπτον вместе с указанными морфологическими характеристиками имперфекта, первого лица единственного числа или третьего лица множественного числа дает: «я бил» или «они били» (а кроме того, «я (они) наносил(и) отпечатки», «запечатлевал(и)», «отражал(ся) / отражали(сь) в сознании» и др.).

По-прежнему возникают те же вопросы: *кто, когда, где, как, зачем это говорится?* Самостоятельной предикации нет. Как видно, на лексическом уровне, изъятая из естественного коммуникативного процесса, лексема не имеет смысла. Действительно, слова никогда не произносятся вне деклических синтагм, типология которых, известная говорящим и вторичным интерпретаторам, остается в данном случае пока неясной. Естественного смыслообразующего материала на уровне лексем нет.

Уровень словосочетаний в пределах предложения. В рамках предложения реализуются следующие связи: πάντες ἔτιπτον, ἐπιλαβόμενοι ἔτιπτον, (Σωσθένῃν) τὸν ἀρχισυνάγωγον ἔτιπτον, ἔτιπτον ἐμπροσθεν τοῦ βήματος, т. е. «все били», «схватив (поняв Сосфена), били», «били (Сосфена) начальника синагоги», «били перед алтарем».

Можно установить, таким образом, что действуют *все они* (не я), как и некоторые иные данные, не вовлеченные в ситуацию авторского коммуника-

тивного действия и потому не исполняющие каких-либо понятных читателю коммуникативных задач. По-прежнему остается неясным, *кто, когда, где, зачем говорится?* Самостоятельной предикации нет. Смысла нет. Говорить такие словосочетания отдельно от других элементов коммуникативной синтагмы и всей ситуации автору было бы незачем.

Уровень предложений. Целостное предложение выглядит следующим образом: ἐπιλαβόμενοι δὲ πάντες Σωσθέην τὸν ἀρχισυνάγωγον ἔτυπτον ἔμπροσθεν τοῦ βήματος. Дословный перевод дает следующие результаты: «Схватив же (поняв) все Сосфена начальника синагоги били перед алтарем».

Не вовлеченное в коммуникативный контекст авторского действия предложение не дает твердых оснований для понимания: кто такие «все»? является ли объектом ἔτυπτον сам Сосфен или начальник синагоги (или это одно и то же лицо)? Сосфена схватили или поняли? Били или наносили отпечатки? Снова нет тождественно мыслимой предикации. Нет ответа на вопрос, *зачем говорится* данное предложение, следовательно, данная фразовая структура остается не актуализованной. Коммуникативное действие, необходимое автору, не устанавливается.

Уровень текста определяется, как уже было отмечено, по количественным критериям (вполне произвольно), в то время как автор все время пребывает в одном, определенном не линейно, моменте своего коммуникативного действия с соответствующим набором параметров. Перечень параметров при переходе от действия к действию формируется как нарастающее множество данных, из которого сознание автора и интерпретанта избирает актуальные элементы, необходимые для производства и интерпретации данного действия. Так, любой элемент данного предложения (включая координатор δέ) интерпретируется на основании имеющегося фонда данных.

Условно задав минимально возможные границы текста (одно предложение, предшествующее данному), интерпретант не получает достаточных оснований для интерпретации («И прогнал их от алтаря. А все...»). Ту же ситуацию следует констатировать и в случае дальнейшего расширения текста до двух, трех, четырех предшествующих предложений «Иудеи, если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас. Но когда идет спор об учении и об именах и о законе вашем, то разбирайте сами; я не хочу быть судьей в этом. И прогнал их от алтаря. А все...». Понятно, что для обеспечения интерпретации необходимо не количество предложений, предшествующих данному, а мыслимый невербально набор данных, составляющих арсенал интерпретанта, т. е. мыслимый дискурс, в воссоздании которого неизбежно нуждается процедура истолкования.

Прежде чем перейти на уровень коммуникативной ситуации, важно сделать несколько замечаний об *уровне текста*, чтобы подчеркнуть разницу между слово- и фразово-ориентированным грамматическим и дискурсивным анализом.

По всей видимости, в приведенном тексте фразово-ориентированный (он же «словоизолирующий», или «словоориентированный») способ грамматического анализа выделит несколько предложений со своими подлежащими и сказуемыми, группами подлежащих и сказуемых, предикаты каждого отдельного предложения с соответствующим актуальным членением, пресуппозиции для

восполнения опущенных смысловых и грамматических элементов пропозиций, модальности пропозиций, различные формы глаголов и т. п. При таком подходе *целостность* анализируемого текста остается *вне рассмотрения как самоочевидное и само собой разумеющееся*, не получая *никакого теоретического истолкования и обоснования*, так, как будто скопление идентифицированных структур и форм, составляющих предложения, есть уже фактор возникновения текста; другими словами, вопросы о *принципе*, интегрирующем ряд разрозненных предложений в единое целое, о *причинах* дифференциации элементов (в том числе глагольных форм) в предложениях, о *самой последовательности пропозиций* (которые, заметим, говорят не ради самих себя, а ради *адекватного вербального действия*) и об *общей предикации*, реализуемой автором в каждом подчиненном элементе текста, – все эти вопросы *вовсе не ставятся*, заменяясь констатацией морфологических особенностей форм, коллекционированием элементов уровня словосочетания и предложения, которые сами собой будто бы что-то обозначают и создают.

Дискурсивный метод истолкования речевой структуры предполагает воссоздание ситуации осуществления вербального действия. Именно так поступает вовлеченный в ситуацию адресат текста или посторонний интерпретатор, заинтересованный в понимании смысла сказанного.

Нужно признать, что коммуникативный метод анализа вербального текста непосредственно следует за логикой и естественной практикой его построения и восприятия: говорящий (пишущий), производя текст, анализирует и идентифицирует коммуникативную ситуацию, в которой он может вербально действовать, т. е. реализовать свой текст как предикат данной конкретной ситуации. Смысл его первоначального рассуждения состоит в том, чтобы определить базовые параметры своей роли в данной ситуации и какое вербальное действие, отвечающее его целям, будет адекватным; при этом коммуникант исходит прежде всего из того, что производимый им текст (устный или письменный) должен быть для данной ситуации актуальным, иначе ему просто незачем говорить или писать; тем более, затем, в каждый из моментов уже реализуемого текста, коммуникативная ситуация приобретает новую обусловленность; так что элементы текста, реализуемого автором, в любой момент текстовой последовательности на микроуровне исполняют перманентный императив встраиваться в соответствующую структуру, *продиктованную параметрами изначально идентифицированной (и постоянно идентифицируемой) макроситуации*. Говорящий (пишущий) в каждый момент ситуации осознает, что уже было сказано, на что нужно и можно указать, кто его адресат, что адресат знает и о чем думает в данный момент линейной последовательности коммуникативного действия и т. п. Такой подход к лингвистическому феномену очерчивает *естественные условия* (коммуникативные параметры) функционирования вербального материала, выводит на уровень коммуникативной ситуации.

Именно *уровень коммуникативной ситуации* дает ответ на вопрос: *зачем говорится ἔτιπτον, каково действие автора при произнесении вербальной последовательности, в состав которой входит ἔτιπτον?*

К моменту произнесения данного элемента текста автор сформировал набор мыслимых условий, необходимых для интерпретации своего очередного

действия. Вынося за скобки все прочие сведения о действующих лицах и обстоятельствах (об апостоле Павле, его спутниках, проповеди среди язычников и т. д.), условно можно полагать, что данный эпизод начинается с прибытия Павла в Коринф, где он «во всякую субботу говорил в синагоге и убеждал иудеев и эллинов», что Иисус есть Христос (Мессия). Поскольку иудеи злословили о нем, он переменял место пребывания, но не покинул Коринф. Наконец, однажды иудеи напали на Павла и привели его к проконсулу Галлиону на судилище (т. е. к алтарю, где совершался суд), говоря, что он учит людей чтить Бога не по закону. Но Галлион отказался разбирать это дело, поскольку оно касалось вопросов иудейского религиозного учения и закона. В конце концов, Галлион прогнал иудеев, схвативших Павла, от алтаря (от судилища).

В этих обстоятельствах, мыслимых автором и адресатом, как раз и сообщается о том, что «все, схватив Сосфена, начальника синагоги, били его перед судилищем, и Галлион нимало не беспокоился о том».

В этой ситуации снимаются возможности двойной интерпретации ἐπιλαβόμενοι (*схватив*, а не *поняв*), ἔτυπον (*били*, а не *печатали* и не *отражали в сознании*), Σωσθένην τὸν ἀρχισυνάγωγον (единое лицо, а не разные лица), однако авторское действие остается неясным ввиду некоторой странности ситуации: кто эти *все*, которые били начальника синагоги? Из воссозданных по авторскому нарративу обстоятельств следует, что здесь присутствует указание на участников ситуации (а это *все иудеи*, которые привели Павла к Галлиону). Во множестве, определенное словом *все*, входит и сам апостол, который, очевидно, участвовал в ситуации. Возникает довольно странная картина: все иудеи вместе с Павлом бьют Сосфена, который, по-видимому, и был инициатором суда над проповедником, выступая от лица и на стороне иудеев; в таком случае получается, что иудеи, объединившись с ранее ненавистным им Павлом, почему-то били своего предводителя, а причины этого в тексте не указаны, хотя автор должен был сделать свое коммуникативное действие понятным).

По-видимому, ответ на этот вопрос можно найти в глоссе, поддерживаемой некоторыми авторитетными рукописями: πάντες οἱ Ἕλληνες (*все эллины*). В такой диспозиции появляется возможность истолковать этот эпизод в контексте обычной для автора Деяний темы, а именно противостояния двух партий в составе грекоязычной синагоги: эллинов (боящихся Бога, благочестивых), с одной стороны, и этнических иудеев (обрезанных), с другой. Эта тема присутствует в тексте, скорее, как общий фрейм, доступный при погружении в аутентичный дискурс. Дело в том, что Павел обращался к язычникам (отвернувшись от иудеев) и защищал их право на религиозную полноценность в составе иудейской синагоги («Нет эллина, нет иудея во Христе»; об изменении ориентиров проповеди Павла и о его разочаровании в иудеях автор сообщает в начале этого эпизода, Деян. 18:1–17). Поэтому вполне понятным становится затем указание на то, что эллины (одна из партий в синагогальной общине) отомстили предводителю иудеев (другой партии в составе синагоги) за то, что тот пожелал суда над Павлом, защищавшим в синагоге их, эллинов, интересы.

Уровень коммуникативной ситуации, таким образом, все ставит на свои места. Важно отметить тот факт, что в реальности (а не в данной условной эк-

земплификации) практический лингвистический анализ, т. е. интерпретация речевого акта, как раз и *начинается* с установления параметров коммуникативной ситуации. Участник коммуникативной ситуации *с самого начала* получает (или уже имеет) значимые для порождения или интерпретации параметры, которыми он так и не смог бы до последнего момента заручиться, если бы начинал порождение (интерпретацию) речевого акта, состоящего из несамостоятельных вербальных моделей, от уровня морфем (как в приведенном условном примере). *В отличие от данного условного анализа, начатого от уровня морфем, коммуникант и интерпретант в актуальной ситуации все делают прямо наоборот*: в дискурсе (мыслимой коммуникативной ситуации с ее параметрами) уже содержится набор возможностей для порождения и интерпретации данного действия. Только после установления данной системы координат становится возможным приписывать значения элементам (как при порождении вербального действия, так и при его интерпретации). Значение действия уже содержится в сознании говорящего, куда устремляется и сознание интерпретанта для установления когнитивного тождества.

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ ТЕОРЕТИЗИРОВАНИЕ. ПЕРЕВОД. ЭТИМОЛОГИЯ

35. Грамматика «языка» представляет собой мнемотехнику, необходимую по преимуществу в лингводидактических целях. Данная мнемотехника создается на основе коммуникативной типологии (как, например, в случае системы лиц или времен) путем приспособления типологии предметных единиц различного уровня к известной типологии невербальных ситуаций коммуникативного действия.

36. Ввиду невозможности строгой корреляции «знак – значение», нельзя построить такую модель языка («грамматика плюс словарь»), которая была бы в состоянии охватить все актуальные процессы смыслообразования. Ситуации взаимодействия представляют собой всякий раз заново осмысленную «систему координат», в которой реализуются и понимаются действия говорящего (пишущего), в отличие от понимания слов в предметной парадигме.

37. Актуальные языковые факты, не вписываемые в существующую модель языка, указывают на недостатки принятой модели вербального коммуникативного процесса, в основе которой лежит неправомерное признание системности языка и столь же неправомерная роль «системного» предметного элемента в процессах смыслообразования. Невозможность вписать актуальный языковой факт в существующую теоретическую модель указывает на некорректное воссоздание деклической синтагмы (или той коммуникативной ситуации, в которой данный текст стал частью актуального действия).

38. Практика перевода демонстрирует невозможность пословного подхода к актуальным языковым фактам. Так, в процессе трансляции фактов одного «языка» на другой переводятся не слова (не вербальные факты), а действия говорящих (пишущих). Адекватность перевода достигается по мере сохранения аутентичного невербально мыслимого действия в целевом тексте (целевом коммуникативном действии), а не формальных характеристик оригинального текста.

39. Практика сравнительно-исторического этимологизирования построена на основе античной (словоизолирующей, предметной) модели. Так, связь значения (или элементов значения) с «этимомом» (предметным носителем значения) не может быть засвидетельствована в актуальном коммуникативном процессе, в структуре которого слова полностью дэтимологизованы. Участниками естественной коммуникации широко используется практика «народной» этимологии, в которой деривативные связи реализуются независимо (произвольно) от сравнительно-исторических наблюдений.

40. Главным искомым лингвистического анализа (исследования), по видимому, следует считать исполнение филологической задачи – адекватного представления *личного действия говорящего (пишущего)*.

Литература

- Арутюнова Н. Д.* Язык и мир человека. М., 1999.
- Вдовиченко А. В.* Неведомый «язык» новозаветной лингвистики. В поисках источников методологического заблуждения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2010. № 22. С. 87–98.
- Вдовиченко А. В.* Принцип кооперации Грайса в интерпретации библейского текста // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2013. № 4. С. 34–43.
- Вдовиченко А. В.* Проблема лингвистического статуса библейских текстов // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. 2010. № 20. С. 25–41.
- Ковельман А. Б.* Герменевтика еврейских текстов: Учеб. пособие к курсу «Источниковедение истории евреев». М.: Книжники, 2012.
- Кузнецова В. Н.* Радостная Весть: Новый Завет в переводе с древнегреческого. М.: РБО, 2001.
- Степанов Ю. С.* Язык и метод. М., 1998.
- Nida E., Taber Ch. R.* The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill, 1969.
- Van Dijk T. A.* Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, 1981. Ch. 9: Context and Cognition: Knowledge Frames and Speech Act Comprehension.
- Weinrich H.* Linguistik der Luege. Heidelberg: Lambert Schneider, 1966.

Article metadata

Title: *Prolegomena discursiva* to the linguistic description of biblical texts.

Author: A.V. Vdovichenko.

Author's e-mail: an1vdo@mail.ru.

Author affiliation: Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.

Abstract: In the article the author presents the sum of views significant for the discursive approach to the verbal material, including biblical texts. According to the author, the exposed views demonstrate the authentic intrinsic features of a linguistic fact, being at the same time the key conditions for its correct interpretation. The properties of any natural utterance are: actionality (an utterance is a target action),

communicative orientation (an utterance is necessary for communication), situativity (an utterance is made in the certain imaginable conditions of one's acting), a cognitivity (an utterance is imagined by a communicant). In this regard the language (as the unity of meaningful and formal elements) turns out to be an inefficient conceptual tool because of the fact that it doesn't cover any of authentic properties of natural linguistic data. The author of the article replaces it with the communicative typology, which is known to representatives of communicative communities of uncertain coverage, sufficient for completing necessary communicative tasks under the given conditions. The discourse is defined as a communicative situation, imagined by a participant in the form of a set of parameters available to him/her. The interpretation of natural verbal data is understanding of complex communicative actions, which is imagined by interlocutor at the moment when an utterance is generated. The communicative (or dectic) syntax of an actual utterance (or of a given element of an actual utterance) gains a key value. In particular, the meaning of a separate element is defined as an idea of the imaginable communicative situation, where the use of this sound complex is possible from the point of view of an authentic participant of the verbal interaction.

Key terms: discourse, principles of interpretation, Greek-speaking biblical texts, properties of verbal data, communicative situation, communicative (dectic) syntax, meaning of utterance elements.

Reference literature (in transliteration):

Arutjunova N. D. Jazyk i mir cheloveka. M., 1999.

Vdovichenko A. V. Nevedomyj «jazyk» novozavetnoj lingvistiki. V poiskah istochnikov metodologicheskogo zabluzhdenija // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 3: Filologija. 2010. № 22. S. 87–98.

Vdovichenko A. V. Princip kooperacii Grajsa v interpretacii biblejskogo teksta // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 3: Filologija. 2013. № 4. S. 34–43.

Vdovichenko A. V. Problema lingvisticheskogo statusa biblejskih tekstov // Vestnik Pravoslavnogo Svjato-Tihonovskogo gumanitarnogo universiteta. Serija 3: Filologija. 2010. № 20. S. 25–41.

Kovel'man A. B. Germenevtika evrejskih tekstov: Ucheb. posobie k kursu «Istochnikovedenie istorii evreev». M.: Knizhniki, 2012.

Kuznecova V. N. Radostnaja Vest': Novyj Zavet v perevode s drevnegrecheskogo. M.: RBO, 2001.

Stepanov Ju. S. Jazyk i metod. M., 1998.

Nida E., Taber Ch. R. The Theory and Practice of Translation. Leiden: Brill, 1969.

Van Dijk T. A. Studies in the Pragmatics of Discourse. The Hague, 1981. Ch. 9: Context and Cognition: Knowledge Frames and Speech Act Comprehension.

Weinrich H. Linguistik der Luege. Heidelberg: Lambert Schneider, 1966.